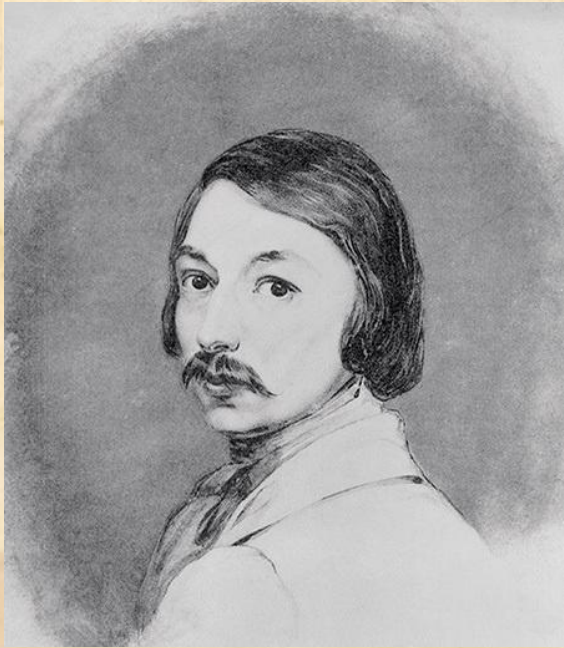

Николай Гоголь

Особенности петербургских повестей

1. Помните: фабулой для «петербургской повести» может послужить любой, самый незначительный анекдот.

- Слушайте их внимательно, рассказывайте их сами. При любой возможности включайте в свою повесть побочные анекдоты — они ничем не хуже основного, из каждого можно было бы сделать еще одну повесть. Прервитесь на первом же слове повести — и расскажите историю про вовсе и не петербургского капитана-исправника, недовольного тем, как капитаны-исправники изображаются в романтических сочинениях. Не забывайте и про специфически петербургские анекдоты (Фальконетов монумент упомяните обязательно).

2. Почаще отклоняйтесь от основной сюжетной линии. Невозмутимо делайте паузу посреди предложения и приплетайте что-нибудь вовсе несуразное — совершенно обыкновенного взрослого поросенка, выскакивающего из ворот частного дома, к примеру.

3. Преувеличивайте. Пусть долгая петербургская зима станет совсем бесконечной, а ветер дует со всех четырех сторон. По всем расчетам уже должен наступить май? Не беда, самое время для особенно крепких холодов.

4. Вводите массу уточнений, по возможности совершенно избыточных. Пусть повествователь демонстрирует знание самых удивительных деталей. Нанизывая подробности, обязательно спрячьте среди них какие-нибудь логические несообразности. Тавтологических повторов тоже не бойтесь.

5. Позаботились об избыточности информации? Теперь, наоборот, наведите неопределенности. Почаще используйте слова, свидетельствующие о неуверенности повествователя в происходящем («какой-то», «возможно»). Время от времени отказывайтесь рассказывать дальше, мотивируя это тем, что ничего больше не знаете или даже вовсе не интересовались развитием событий; жалуйтесь на плохую память. Подчеркивайте свою неосведомленность не только в важных вещах, но и в совершенно несущественных (к примеру, какой именно генерал изображен на табакерке второстепенного персонажа). Пусть сами персонажи тоже будут не вполне уверены (по причине плохого зрения, страха или вовсе без причины), что произошло и произошло ли на самом деле.

6. Пусть повествователь все время противоречит сам себе. Пусть извинится перед читателем за то, что ничего нельзя рассказать о жене героя, так как о ней мало что известно, — и тут же изложит, кто именно заглядывает ей под чепчик и какие звуки при этом издает. Пусть в начале повести будет восхвалять и подробно описывать Невский проспект — а в конце заявит, что всегда ходит по Невскому проспекту завернувшись в плащ и ни на что не смотрит. Пусть в первой части повести будет говорить о падении красоты как о величайшей трагедии, а во второй — рассуждать о том, что в красавице все недостатки и даже пороки становятся необыкновенно привлекательны.

7. Никогда прямо не объясняйте странные события своих повестей. Никаких окончательных выводов, побольше непроверенных и сумбурно пересказанных слухов с намеками на метафизику. В ответственный момент повествователь может сослаться на то, что «здесь происшествие совершенно закрывается туманом», или просто начать бормотать. Добейте читателя замечанием о том, что самое непостижимое — «это то, как авторы могут брать подобные сюжеты», пусть он почувствует себя окончательно брошенным один на один со странной историей. Нещадно удаляйте слишком прямые объяснения из своих текстов. Написали в черновике, что бегство носа от коллежского асессора оказалось всего лишь сном? Нет, это не ваш метод: пусть события повести будут бессвязны и обрывочны, как сон, но пробуждения не последует. Уже напечатали повесть о дьявольском портрете со слишком прямолинейной метафизической подоплекой? Нет, не годится; напишите новую редакцию, где социально-психологическое объяснение произошедшего будет так же вероятно, как и фантастическое. Белинский все равно будет недоволен, но на него не угодишь.

8. Говорящие фамилии тоже ни к чему. Назвали героя Чертковым? «Приземлите» его до Чарткова. Фамилии должны быть странными и смешными, а если и «говорить», то непонятно что.

9. Смешивайте в устах повествователя смешное и патетическое, комические и трагические подробности.

В самые торжественные монологи не забудьте включить несколько забавных примеров. Читатель должен оставаться в недоумении: вы серьезно или издеваетесь? И над кем? Важно, чтобы читатель не мог понять не только, что конкретно происходит, но и зачем именно ему это рассказывают.

10. Не стесняйтесь проводить параллели между своими маленькими героями и высокими сюжетами, при этом не переставайте ухмыляться. Пусть читатель ломает голову, возвышаете вы своего героя или осмеиваете подтекст (романтический, балладный, житийный — годится все, что дорого вашим современникам). Поиграйте с темой безумия: безумцы в современной вам литературе — носители высшего знания, воспаряющие над пошлостью мира. При этом ваш герой — титулярный советник, недалекий, мыслящий мир исключительно как служебную лестницу? Что ж, это вам не мешает, можно вложить лирическое откровение в уста и такого героя. Важно лишь вовремя вставить в его трагический монолог упоминание о том, что у алжирского дея под носом шишка.

11. Смешивайте фантастику с достоверными описаниями городской жизни. В конце концов, вам, несмотря на все вышесказанное, предстоит прослыть основоположником натуральной школы.

